

Андрей ПЕРМЯКОВ

«ЭТИЧЕСКИ РИСКОВАННОЕ МЕРОПРИЯТИЕ»

Аня Герасимова (Умка). Кирпич на кирпич. Дневники 1980-х (тт. 1, 2, 3). Подготовка к печати и дистрибуция авторские. – 2022.

Всякое мышление (включая мое собственное), о котором говорится, которое записано, говорено, услышано, уже является чужим в данный момент разговора о нем, да фактически и до этого момента, во всякий прошлый (да и будущий) момент разговора, письма, чтения, слушания, имеющих своим объектом это мышление.

А.М. Пятигорский. Введение в изучение буддийской философии.
Девятнадцать семинаров.

Изберём путь наименьшего сопротивления. Начнём с банальнейшей банальности: самое интересное в дневниках – авторская рефлексия. Точнее, метасюжет, образуемый совокупностью разноуровневых рефлексий. В этом отношении, как и во многих других, первые три тома дневников А. Герасимовой не разочаровывают.

Рефлексия *непосредственная*, адресуемая автором дневника к собственной личности, и в самом деле шокирующе *непосредственна*. С общепринятой точки зрения дневники как таковые и предназначены для самоанализа. Но, во-первых, часто ли самоанализ не сопровождается самообманом? А во-вторых, мы имеем дело с текстом, исходно планировавшимся к публикации. Об этом сказано впрямую. Да и не слишком типичное для личных записей обилие диалогов и прямой речи позволяет говорить о направленной работе. Словом, точнее всего сформулировано автором: «я не умею писать ни о чем, кроме своей текущей жизни – о другом мне неинтересно». Но, вопреки нечастым сугубо литературным пассажам вроде «это “серьезность” вильнула своим сернокислым хвостиком», перед нами безусловно дневники. Ведшиеся, к счастью, без прискорбной ежедневной серьёзности, но достаточно регулярно и с разумными перерывами, позволяющими отразить изменения.

По сочетанию откровенности, самоотстранённости и нынешней включённости владельца в культурный контекст, явными параллелями представляются записи Сьюзен Сонтаг¹ и Сильвии Плат². Впрочем, о параллельности тут можно говорить только в предельно неевклидовом смысле: упомянутые книги взаимно перпендикулярны. Или точнее, ортогональны. Девятнадцатилетняя героиня книги Плат (формально не дневника, но *очень автобиографической* прозы) синхронно решает три задачи:

- 1) получить стипендию для обучения в Европе;
- 2) лишиться невинности (желательно – по любви);
- 3) совершить суицид.

Будучи хронической отличницей, более или менее преуспевает по каждому пункту.

Сонтаг, судя по дневнику, есть существенный её антипод. Вырвавшись из-под родительского крылышка, девушка, тоже будучи интеллектуалкой и гордостью университета, начинает исполнять так, что отечественные филфаковки обречены лить над книжкой завистливые слёзы. Но при этом будто готовится уже стать властительницей

¹Сонтаг, С. Заново рождённая. Дневники и записные книжки. 1947–1963 / Пер. М. Дадяна. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 344 с.

²Сильвия Плат. Под стеклянным колпаком / Перевод с англ. и послесловие В.Л. Топорова. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – 342 с.

левоинтеллектуальных дум и теневой лидер(кой) кузницы Нобелевских лауреатов. Однако повторим: уровень постоянной осознанности собственных поступков у обеих американок дивный. В этом смысле первые три тома дневников Ани Герасимовой, отражающие по большей части годы, когда она ещё не стала Умкой, весьма напоминают творения зарубежных коллег по гуманитарной стезе.

Да: надо уточнить, в каком именно «этом смысле»? Напрашивается формулировка: «в стилистическом». Но понятие стилистики разбивается на много-много разных составляющих. Некоторые из них – уровень и метод самоосознания – действительно показывают явное сходство. Впрочем, об этом мы уже сказали.

Собственно литературный стиль? Стиль лабилен, подвижен. Спектр его широк. Ну, так три тома охватывают почти десятилетие: время менялось, и свойства личности тоже. Именно о том и дневники, и наша рецензия. Кроме того, автор почти наверняка меняет манеры изложения сознательно. Иного трудно ожидать при упомянутой обострённой рефлексии: *«Обнаружила попутно, что когда записываешь ход, а не результат событий или мысли, кажешься потом намного глупей, чем – хотела написать “на самом деле” – чем в ином случае»*.

Стиль собственно жизни и восприятия окружающего, тот самый, о котором Синявский написал: *«Мои расхождения с советской властью – чисто стилистические»*. Данная сущность расщепляется, будучи одновременно заданной и личностными установками, и, как бы ни хотелось того отрицать – окружающей средой. Персональное, разумеется, важнее, и оснований не доверять дневнику нет: *«Будь я менее литературным персонажем, я бы так легко не вошла бы, наверное, в эту совершенно неподходящую для меня роль. Но, может быть, и неплохо чередовать так – то Пенни, маленькая разбойница, то Мальвина, Бекки Тэчер, Руфь etc. Только в детских книжках воспитательная девочка может быть симпатичной, в хорошей книжке для взрослых она всегда – тормоз»*. И ещё: *«Мне иногда, право, так смешно делается, что вот уже я играю и роль жены, и роль мамы, и роль аспирантки, а внутри все точно так же, как было в восьмом классе (ну плюс еще привнесенное Томасом и рок-культурой)»*. Очень существенный пункт. Как правило, человек довольно рано осознаёт методику собственного плавания по жизни. А некоторым даже удаётся доступно сформулировать суть. Например, эпизодический, но значимый герой первого тома «Дневников», концептуалист Никита Алексеев, примерно четверть века назад описал собственный *modus vivendi* термином «незалипание». То есть в каждый момент времени человек не представляет собой ту или иную функцию: вот он художник, вот он родитель, вот – диссидент, далее, скажем, путешественник. Нет, по мнению Алексеева, человеку лучше непрерывно сочетать разные ипостаси. Так миру сложнее уловить тебя.

Другой неглавный персонаж первого тома, Амарсана Улзытуев, формулирует кредо иначе, пусть и не столь афористично. Смысл примерно в том, что у человека есть некий главный путь, вроде основной музыкальной темы, и множество аранжировок-обертонов. В какой-то миг побочные мелодии могут звучать ярче, но главная линия остаётся главной. Впрочем, Амарсана, надеюсь, на эту и ряд других столь же интересно излагаемых им тем выскажется письменно сам. Иногда он это делает.

Судя по дневникам, путь Ани Герасимовой можно назвать методом последовательных занывиваний. Образы и методы проживания ситуаций меняются весьма радикально. Это заметно и по сугубо литературным особенностям изложения. Скажем, из сленговых словечек, имевших хождение в хипповой «системе», самым частым в первом томе оказывается глагол «обломаться» и его производные; во втором – «врубаться»; в третьем – существительное «безмазняк». Важный нюанс: перемены способов контакта с действительностью обусловлены не боязнью идти до конца и уж тем более не внутренними сломами. Ровно наоборот. В довольно давнем интервью Умка сформулировала: *«Хиппи – это не движение. Это сидение или лежание. А поскольку я человек деятельный, мне в этом всегда было как-то скучновато. Хиппи из меня*

слабоватый»³. Похоже, рано или поздно Ане делается скучно в любом «этом». Отсюда перемены стилистик. Литературных и не только.

Тут самое время отметить момент, где авторское и читательское восприятия не совпадают. В предуведомлении ко второму тому (1985) автор пишет: *«Заметно изменился стиль: русская литература 19 века уступила приоритетное место американской 20-го, читать будет легче и веселее...»*. Если сие сказано всерьёз, готов поспорить. Англо-американский стиль соответствует в большей степени третьему тому. Вернее, стили. Помимо битнического метода cut-up заметно сходство с литературой нового джанки-шика, не существовавшей в годы написания дневника, но явившей себя в середине девяностых. Тут надо привести длинную цитату. Больше так делать не буду, но один раз и впрямь необходимо: *«Она прыгала по Арбату, как она сказала – накурившись настоящей мексиканской анаши, приставала к иностранцам на всех языках (коих знает 8), чтоб они шли “рисоваться” к ее приятелю, знала что-то про энергетику и мужа в Америке и пр. Еще “тень отца Гамлета”, ни имени, ни возраста назвать не захотел, совал кришнаедские книжки, потом ляпнул, что был “фюрером”, и мы его по пьяни обложили и стали прогонять, а он не прогонялся, все знал чего-то совсем не в жилу; из очереди в “Жигули” Чапай выудил некоего Левковича и угостил его так (у нас уже появилась откуда-то бутылка водки), что тот так и остался на скамеечке (во двореке за церковью св. Филиппа – любимое питейное место Чапая). Еще мы повстречали Файфа и еще кучу молодежи, какого-то хромого мальчика из Тарту, и Макса очкастого, он там тоже пил, и тому подобное. Или это было уже на следующий день? <...> Ночь получилась примерно такая же. Следующий день мы забили стрелку с Бэби на Грибоедове, туда же должен был прийти Файф, но не пришел. <...> И мы поволокли их ко мне, еще встретили Чапаевского друга Игоря (бородатого, журналиста, который живет на улице Буракова) и заставили ехать с нами. Гарик уже был хорош, еще мы хлопнули водку (они) и коньяк, сперва я все отливала для Бэби (она спала в комнате) и потом выпивала сама – точно, было 3 коньяка, потому что один Чапай прихватил на Арбат...»*.

Из знаменитых литераторов сходным образом пишет, например, Ирвин Уэлш (с поправкой на обилие запрещённых субстанций), а из хороших – иногда Владимир Гуга. Хотя при чём тут литераторы? Уже второе десятилетие хронику жизни неприкаянных московских музыкантов и постсистемных тусовщиков, ассоциируемых с Арбатом, но обитающих в многообразных локусах столицы, ведёт Ульяна Дмитриева. Сперва как yliana777 в ЖЖ, затем – Вконтакте под своим именем. В принципе интересно, но в больших дозах приедается. Зато устойчивость физического и ментального здоровья бытописательницы внушает мощное уважение.

Социальный охват дневников Ани Герасимовой с самого начала доступных нам фрагментов не в пример шире. Переход из дымной вписки в хороший ресторан или, допустим, в «Метелицу» занимает совсем немного времени. Хотя в «Метелице» публика откровенно чужая. Брежневские времена тоже подразумевали социальную стратификацию, пусть и своеобразную. И были те времена совершенно довлатовскими.

Документальные записи болтовни молодых москвичей и вправду дают иллюзию неизданных книг Сергея Донатовича:

– *Слушай, не хочешь выпить? А потом есть маза вписаться на нйт. В вытрезвитель.*

Или: *«Я сидела, наблюдала людей, перегнавших меня на три дня пьянства»*.

Алкогольство было достаточно своеобразным. Бутылка водки для барышни за вечер приближалась к событию экстремальному. Раблезианскими количества алкоголя станут в девяностые, когда спиртное, жутко подорожавшее сперва при полусухом горбачёвском законе, а затем после гайдаровских реформ, вдруг делается доступным.

³Журнал «Огонёк», 2014, №3.

Пока же, в начале восьмидесятых, удивляет, скорее, сочетание выпивки с барбитуратами, седуксеном и другими легальными тогда средствами психической коррекции. Таблетки «от нервов» вообще являют собой малоисследованную в приложении к советским реалиям тему. На Западе о проблеме заговорили сильно раньше и на нескольких уровнях. Роллинги в песне «Mother's Little Helper» обстебали домохозяйшек, безмерно налегавших на успокоительное ещё в 1965-м году. Советское же здравоохранение полагало фармацевтические методы безусловно оправданными, единственно научными и радикально отличными от сомнительно-идеалистической психотерапии. И ведь не боялись. Хотя не проснуться от сочетания люминала с водкой – легче лёгкого.

Ещё раз скажу: тема почти не отражённая ни в научной, ни в художественной литературе, но если ей заняться плотно, почти уверен, что половина легендарных выходов школьных училок среднего возраста о ту пору имела подоплёкой несвоевременное поступление жёлтых таблеток в аптеки. Как минимум два поколения советских женщин сидело на сильнодействующих плотно. Кстати, старшая генерация, помнившая, сколь нужна ясность ума для противодействия тотальному давлению, химическими способами достижения покоя брезговала: *«Я вообще не имею дела со всеми этими нервными людьми, которые пьют тазепам! Припугнет строгий дядя – и всё...»* – говорит Ане (в тот момент аспирантке Литинститута) ее научный руководитель Мариэтта Чудакова. Но послевоенные дети, равно как и прямые их наследники, синтетический кайф полюбили весьма.

Понять их можно. Дамам в довлатовском мире жилось сложновато. Общество косилось: *«как это грустно – секс с социальной подкладкой. Мы-то думали, она нимфоманка, а она простой советский Растинька»*. Декларативные равенство, свобода и социальная защищённость на практике оборачивались закреплением абсурда: *«медсестра чего-то кричит: “Женщина! Режим нарушаете!” – я поворачиваюсь гордо: “У меня такая радость, у мужа сын родился!” – “Поздр... а?” – и все...»*.

Плюс извечная жертвенность: женская природная (да где там природная – навязанная тысячами разнообразных культур, требовавших покорности в обмен на относительно долгую жизнь) в сочетании с советским культом подвига и самоотречения творили странноватые чудеса. Разнообразные варианты пренебрежения собой ради мужчин-творцов буквально пронизывают начало дневников. Обильно цитировать не будем, но многие фрагменты разозлят феминисток. Ну, и пусть себе злятся. Отметим только: отказ от равенства полов был, в том числе, парадоксальным методом протеста и против официоза, и против предыдущего поколения, где барышне предписывалось быть «своим парнем». Вообще, мы как-то привыкли за последние десятилетия ассоциировать эмансипацию, феминизм и весь левый дискурс с авангардом и прогрессом. Но всё куда сложнее. И футуристы, и, скажем, представители венского акционизма, и лидеры других модных в своё время, но вполне хороших и значимых течений были вполне себе маскулинными мизогинами.

Впрочем, автора понять легко: люди вокруг сплошь талантливые. И те, кто постарше, и ровесники. Оттого, видимо, и позволяют себе пассажи ироничные, но по нынешним толерантным временам довольно ехидные:

«– Ну! – сказал Егор. – Женщина – это вообще несерьезное устройство. Ее даже в армию не берут. Даже про обэриутов писать позволяют».

Важно: никаких иллюзий насчёт революционеров от искусства восемнадцатилетняя Аня Герасимова не испытывала: *«рисовать научились все, а ничего нового никто сказать не может. И такое замечательное явление, как авангардизм, становится попросту арьергардизмом!»* Опять придётся вспомнить Довлатова:

– То есть как это советский? Вы ошибаетесь!

– Ну, антисоветский. Какая разница.

В самом деле, советско-антисоветским духом тогда было пропитано буквально всё.

Включая, к примеру, церковь: «(– Что это там? – Да девочка плачет – некрещеная...) ...Одна бабка было яичко подарила – но, узнав, что некрещеная, смущенно отобрала».

При всём при том, до поры до времени прямых столкновений с представителями государства удавалось избегать. Существование шло параллельными курсами: «[Тем временем я совсем забыла отметить, что 13/III похоронили очередного Черненко, и теперь всеми правит Горбачев. По мне так что в лоб, что по лбу. Однако, кажется, мы пережили один из самых смешных моментов русской истории, когда чуть было не дошло дело до абонементов на высочайшие похороны.]». Пожалуй, дольше, нежели в других структурах, аромат Советского Союза и призывы к великим свершениям сохранялись в системе образования. Это вообще сущность консервативная. Даже в 1988-м году от директоров школ и завучей по воспитательной работе в ГорОНО одновременно требовали отчётов об антирелигиозной пропаганде и об участии школ в праздновании тысячелетия крещения Руси. Бывает.

Ане со школой повезло, очевидно. Мозг на советскую тему сушили не особо. Но в целом аполитичность удавалось сохранять долго. Порой эта аполитичность была достаточно радикальной: «Он пытался рассказать что-то, что кто-то рассказал про кого-то, кто служил в Афгане, а я активно не захотела. Он попробовал применить силу, но наткнулся на стенку.

– Я не хочу говорить о войне. Меня это не касается.

– Хорошо устроилась! Ее не касается! А я хочу говорить об этом».

Словом, по завершении подростковых, студенческих и молодёжных походов надвигался неплохой московский вариант, когда жизнь предстояло жить, «находясь в полном согласии с государством, при этом декларируя свое презрение к нему и свою от него свободу».

Но далее читателя, не заставшего времена угасания СССР, ждёт сюрприз. Отношения автора и властных структур внезапно портятся с началом политических перемен и некоторого слякотного потепления. Ровно весной 1985-го года, когда разразился апрельский пленум и объявили демократизацию. Одновременно поприжав насчёт выпивки. Этого народ не простил. В самом деле: парой лет раньше Андропов стал отправлять патрули по кинотеатрам, дабы отлавливать туеядцев, но он же одновременно снизил цену на водку! Прилично, на целый рубль. А тут вдруг призвали нести ответственность за страну, заменив приевшиеся фоновые лозунги попытками креатива. Да ещё и потребовали глядеть на окружающее трезвыми глазами. Перед крахом своим СССР стал действительно тотальным. Пусть и вегетарианским относительно. Опять-таки, происходящее витало в воздухе, отражаясь даже на заведомо трезвых слоях населения. Анин трехлетний сын (услышав одновременно о «сухом законе» и об отключении горячей воды) припечатал: «Я как пьяниц очень огорчен, что ВОДКУ ОТКЛЮЧИЛИ».

Кстати, важный и тоже слабо отражённый в книгах и мемуарах момент: вопреки аберрации воспоминаний, спиртное из магазинов исчезло не сразу и вдруг. Годика полтора можно было пробавляться относительно дорогими напитками. В провинции, конечно, дело обстояло суровей, побуждая народ возводить подзабытое с Гражданской искусство самогонварения на недостижимые высоты. О, эти аппараты, переделанные из газовых колонок!.. Но не станем отвлекаться.

Плюс милиция утратила классовую солидарность. Знакомых, потерявших вялую лояльность, было тогда не счесть. Поводы оказывались самыми разными, но в основе своей близкими. Вот и автора нашего забрали явно не по делу. Не выпускали, избили, оштрафовали: «И чем больше я возмущаюсь, тем меньше нас отпускают». Во времена нынешние припаяли б, думаю, что-нибудь посерьёзнее за неповиновение «законным требованиям полиции». Тогда же обошлось четвертаком штрафа и жалобой в институт. Но этого хватило, чтоб мирное взаимное замечание человека со властью переменялось на свою противоположность: «Я окончательно ненавижу ментов и все <...> советское

государство». Не зря, получается, Велимир Хлебников писал: *«Участок – великая вещь! Это – место свиданья. Меня и государства. Государство напоминает, Что оно все еще существует!»*.

Впрочем, отметим: незадавшееся общение с представителями власти пришлось на период личного кризиса. Судя по дневникам, очередного, но серьёзного. Совпало сразу несколько вещей. Про социум Аня и круг её общения поняли всё верно и рано: *«Советский человек – это стоик, скептик и эпикуреец одновременно. Он готов вынести все что угодно, ни во что не верит и стремится к удовольствиям во что бы то ни стало»*, – говорит ее муж Егор Радов. Или лапидарней:

«– Советский человек – он на все забил». Ну, правда ж довлатовская фраза?

Однако и очарование талантливыми, милыми и творческими друзьями отступает: *«Я все знаю и всех “братишек” вижу насквозь. Потому что я в свое время ужасно обломалась»*. Последнее предложение с подчёркиванием спишем на крайне юный возраст, однако всерьёз с ним поспорить сложно.

Притом автор никаким образом не относится к тому или иному праздному классу, наблюдающему социум с недостижимых вершин мраморной башни либо из канавы. Напротив, она получает вполне приличное (по советским меркам – очень приличное), хоть и не слишком регулярное вознаграждение за серьёзный и нужный переводческий труд.

Автор довольно часто пишет в дневниках об инфантилизме. Собственном и окружающих. Но, право, единственный момент, когда инфантилизм проявляет себя вполне явным образом – это восприятие мира родителей. Вернее, обоснование их мотиваций и образа жизни: *«На Новый Год я напилась тут, хоть уже и нельзя было, у Марики было дело, я ее уволокла на кухню и, обливаясь горькими слезами, ей стала твердить, что мол НИКОГДА, НИКОГДА не связывайся с нелюбимым человеком! А она кивает – кажется, довольно злорадно, а может, это я сейчас злобствую. И самое главное – нет пути назад. И все в этом самом дерьме барахтаются, все без исключения. А мои родители – в целлофановом мешочке для двоих»*. Разумеется, целлофановый этот мешочек являет собой укрытие. Ненадёжное, конечно, но другого нет. И укрытие, выбранное сознательно. Хотя кому это я объясняю? Дневники будут читать люди взрослые. Да и не сильно взрослым со стороны понятно всё. Это изнутри сложно крайне. Нет, остановлюсь всё ж вовремя. Нельзя о таких вещах на сложных щах.

Правда, родители, по крайней мере, за внуком присмотрят в случае чего: *«Дальнейшие записи, хранящиеся в той же “обложке”, относятся к лету следующего, 1987 года, см. ниже. А пока, сдав Алешу родителям, я устремилась в Среднюю Азию, дабы окончательно покончить с... с собой? Ну, наверное, с той частью себя, которая меня не устраивала. Операция была рискованная, но прошла в целом успешно»*. Это да. От Москвы до Ташкента за четверо суток с купаниями в реке Волге и относительно нормальным сном – даже по нынешним временам обильных и разнообразных машин, очень быстро. Респект. И на мысли наводит:

«Я: – Зачем мне деньги? Что я с ними буду делать? Зачем вам деньги? Яхту вы не купите, дом на Ч. море – тоже, личный самолет – тоже. Сходил в ресторан – ну и дальше что? (телега Егора)».

Он: – А мне уже приятно, когда я ощущаю толстую пачку в нагрудном кармане.

Я: – А мне уже приятно, когда я выхожу на трассу и поднимаю руку».

Правда ж, было совсем другое время. Теперь и яхту можно, и самолёт. А люди всё катаются автостопом до... До Пекина, например. Или пока внуки не запретят. В прошлом веке, что ни говори, автостоп смотрелся органичней. Но жив – и славно.

До сих пор мы по преимуществу говорили об авторской рефлексии. Поговорим и о читательской. Довольно неожиданным образом в составе дневников возникает совершенно готовая книга. Состоит она (примерно) из второй половины первого тома и первой трети тома второго. Названия отдельного нет, а тема есть. Грустная книга про расставание любивших друг друга людей, один из которых оказался в армии. Таких

историй за долгую жизнь знаешь не меньше пары десятков, а каждая разная совсем. И все похожие. Дело почти никогда не в изменах, не в бытовых кошмарах, не во взрослении даже. А может, и во взрослении. Находясь более или менее далеко, молодые люди ментально расходятся со страшной скоростью. Отчего – не ясно, но закономерность возникает за разом раз.

Вот эта вставная повесть как раз очень напоминает американский фильм-драму тех лет. Не какой-то конкретный, а совокупность их. Долгая-долгая завязка с многочисленными отступлениями – и стремительное развитие в финальных 2/5 повествования. Литературные ассоциации будут другими и тоже относительно расплывчатыми. Журнал «Юность» во второй половине восьмидесятых печатал не только «Испытательные стенды» с первыми публикациями героев Дневников: Парщикова, Ерёменко, Жданова, но и психологические романы. Были те романы разными по качеству и глубине мысли, но сходно-тягучими, приятными осенней грустью Империи. Увы, но в большинстве своём завершались невнятно. Открытым недофиналом. В данном плане история, рассказанная в дневниках, литературно выигрывает. Очень рекомендую к прочтению. Хотя понятно, что переживать такое было очень невесело. В сугубо журнальной публикации присутствует надежда: мол, «повествование не основано на реальных событиях»...

При этом упомянутая драма развивалась на фоне субтотального родительского контроля. И на фоне ребёнкиного взросления. Грустно, но есть новый повод убедиться в нелинейности влияния наружных факторов на созревание личности. В детстве пустяк ничтожный может стать «травмирующим фактором», если использовать попсово-психологическую терминологию. Зато дела в самом деле печальные могут личность весьма укрепить... Отражает ситуацию небольшой человек на вполне взрослом уровне. А транслирует по причине актуальной всё-таки детскости и того лучше:

«– Мама, а ты философ?

– Да-а.

– Ни фига ты не философ».

Так и подходим мы к финалу документального рассказа о восьмидесятых. Автор записала: *«И вообще, наверное, все скоро взорвется к чертовой матери»*. Не ошиблась.

Ну, теперь, собственно, о главном. Узнали ль мы, из какого сора... пардон, из каких мерцаний выросли стихи и песни Умки? Вроде да. Разумеется, на уровне сугубо внешнем. Моменты сугубо творческие, внутренние, есть тайна за семью печатями и навсегда. И хорошо, так и надо. Но обстоятельства наружные дневником, кажется, явлены вполне. Тут можно ещё долго рассуждать, а можно привести итоговую цитату. Формально она об объектах квалификационной работы аспирантки А. Герасимовой:

«Анатолий Александров: И к Михайлову ходили – он, и Заболоцкий, и эти два пьяницы Хармс и Введенский!»

И вот однажды я ползал там во дворе, а к нему в гости шел Хармс. Он увидел меня, поддал ногой – я отлетел в песочницу – и сказал:

– Надо этого вонючего ребенка бросить в яму и засыпать гашеной или негашеной известью.

И он не знал, что это – его будущий исследователь!»

То есть Хармс оказывается в хармсовской ситуации. Вернее, создаёт оную. Так и в дневниках: обстоятельства сплошь «умкинские». Из стихов и песен, нам знакомых. То автор самостоятельно устраивает их, то в них влипает. Так или иначе, но дневники категорически рекомендую. Кому-то в исследовательских целях, остальным – пользы и радости для. Радость только может оказаться весьма своеобразной. Но это хорошо.